

ВИННИЦКИЙ ТАНЦЕВАЛЬНЫЙ...

Коллектив самодеятельности клуба Винницкого агрегатного завода народных художественных коллективов состоял из 300 человек и выступил. Большой успех у зрителей города имели выступления танцевального ансамбля в репертуаре его — украинские, русские, молдавские, польские, французские и другие народные танцы. Перед зрителями выступали участники художественной самодеятельности, союзисты ансамбля концертной ОГИБДД Валентина Еланникова (слева) и лаборанта измерительных приборов Людмила Бучакова.

Фото Е. Конопы (ТАСС).

ЗАВТРА исполняется 90 лет со дня рождения выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства Михаила Ивановича Калинина.

Образование и воспитание народа, один из ближайших соратников В. И. Ленина, М. И. Калинин был талантливым пропагандистом, в совершенстве владевшим сложным искусством убеждения масс. Каждое выступление его перед рабочими, перед колхозниками, перед представителями интеллигии становилось для слушателей школой революционного мышления, марксистского подхода к сложным проблемам современности. Навсегда осталась в народе память об удивительной доброте Михаила Ивановича, о его чуткости и отзывчивости, о его заботливом отношении к каждому человеку, приходившему к нему за помощью и советом.

Огромное внимание уделяло М. И. Калинин культурному строительству, становлению советского искусства — искусства социалистического реализма.

ПЕРВАЯ «НЕДЕЛЯ...»

С 5 по 12 декабря состоялась неделя культуры и искусства в Первом сельском районе. В 11 домах культуры и клубах выступают первые профессиональные и самодеятельные творческие коллективы — театры, педагоги и учащиеся музыкальных и хореографических училищ, любители

К 90-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. И. КАЛИНИНА СЛУЖЕНИЕ НАРОДУ

Михаил Иванович питал глубокое уважение к труду мастеров литературы и искусства, тонко разбирался в природе художественного творчества, сам был необыкновенно отзывчивым, благодарным читателем, зрителем, слушателем. Очень велики были его авторитет в среде творческой интеллигенции. Писатели и художники, композиторы и актеры неоднократно дорожили мнением М. И. Калинина, с готовностью прислушивались к его советам.

Через труды М. И. Калинина, посвященные проблемам литературы и искусства, через его выступления перед мастерами красной итальянской школы проходит мысль о неизрекаемой связи искусства и народа. «Действительны цели, цели науки и искусства являются только народ», — говорил Михаил Иванович, звучая прави-

тельственные награды работников Ленинградской консерватории. «...У нас художник, чтобы стать великим, должен пойти в народ; если его произведения не захватывают десятки тысяч людей, он останется незамеченным. Поэтому в наших условиях связь искусства с народом гигантски возрастает».

Некоторые восхищали М. И. Калинина живописью, мощью подлинных произведений искусства, их пророческой силой.

В то же время Михаил Иванович отмечал огромное значение придаваемое способности искусства быть воспитателем, учителем масс, нести им знания и духовную радость.

КОМПОЗИТОР и публика. Точнее — современный композитор и его публика. Перед нами одна из самых сложных и живущих проблем музыкального искусства нашего времени, тревожающая сознание многих зарубежных музыкантов. Для кого творят композиторы? Чего ждет от него слушатель?

Последовавшие годы принесли бурный подъем музыкальной жизни Европы. Торжественно — расказывали о достижениях новых звезд оперных театров и концертных залов в городах, заливавших глубокие рощи звонких лет. Во много раз возрос объем радиовещания, необычайного размаха, обогащенного бурными граммофонными промышленностями. Только в странах Западной Европы ежегодно проводится около сотни разнообразных музыкальных фестивалей и семинаров новой музыки.

Ширится международный обмен симпозиумами, в том числе Советским Союзом и всеми зарубежными странами.

«Костя» осуществлен коллектиками Всесоюзного радио и солистами. Надо сердечно поблагодарить исполнителей основных ролей в опере Ю. Якушева («Костя»), В. Киселеву и И. Полякова (матерь скриптор), Г. Троицкого (старшина Кудашов). В. Бударина (молодой пастух), А. Устюнова и В. Царского (старший скриптор), А. Тихонова и В. Бударина (генерал Каховский), Г. Картавенко (подполковник), А. Матюшину и Л. Симонову (голос гор), Л. Жигалова (второй от автора), за интересное творческое решение этой новой для них задачи.

Оперно-симфонический оркестр и хор (дирижер А. Алдрусков) все это еще раз продемонстрировали свой высокий профессионализм. В. Бударов — музыкант, руководивший и дирижер первой постановки, здесь показал себя темпераментом, увлеченным интерпретатором. Большую работу по постановке оперы проделал талантливый режиссер И. Шаров (о нем одна из авторов сценария).

«Музикальная редакция Всесоюзного радио» делает большую, полезную работу, осуществляя радиовостанции опер, еще не нашедшие в театрах. Вспомним, что благодаря этой деятельности мы впервые услыхали оперу С. Прокофьева «Ирина» и «Три альпийки». В. Шебалина «Соловьевы» на стихи А. Флоренского и т. д. Особено цепко, что на русском языке впервые прозвучали произведения композиторов братских республик — Минина О. Тихановской, Нестеса Свердловской, Ордина, «Крепость А. Бабаева», «Сеньки» Ф. Амирова, «Майская» С. Юлакова и другие.

И все же во французской, английской, западногерманской и итальянской печати все чаще появляются горные селения по поводу заслуг этого или даже упадка отечественного музыкального искусства. Вновь и вновь возникает разговор о роковых разрывах между интересами публики и творческими устремлениями современных композиторов. И в этих селениях нет никакого преувеличения. Конфликт не только существует, но с каждым годом все более обостряется. И никакие фестивали новой музыки, проводимые временем от времени в разных странах, не могут восполнить значительную разницу между композиторами и публикой.

«Воспринимающую энергию» слушателей музыки кое-где на Западе пытаются определить при помощи кибернетики и вычислительной техники. По отношению к музыке современной эти опыты приводят к малоутешительным выводам. Так, изображение интереса публики к новому опуску рассматривается критикой как свидетельство его эстетической значимости и прогресса.

В концепции В. Томсона есть немалая доля преувеличения. Конечно, не все западные композиторы и музыканты вступили в «языковую войну» публики. Мы уже говорили о том, что «разрыв» между публикой и современной музыкой вызывает глубокую тревогу в многих музыкантах и зрителях.

ДАЛЕКО не каждый любитель музыки разбирается во всех оттенках современных музикальных течений. Поэтому новая музыка для широкой публики обычно ассоциируется с наиболее агрессивными проявлениями авангардистской эстетики. (В последние годы в кругах музыкального авангарда наметился резкий разрыв между музикальной свободой конструирования материала, в котором господствует игра случайности, и ее спонтанностью, наряду с различными формальными идейными и эстетическими целями.)

ИТАК, разрыв или «развод», как называют некоторые журналисты, наименее актуальная ситуация в современной западной музыке. В том, что такой разрыв существует, ни у кого нет сомнения. Споры идут лишь о причинах, порождающих эту разницу, о ее масштабах, о путях ее преодоления.

Кто виноват в этом конфликте? Какую сторону следует признать ответственной: за трагическую утрату взаимопонимания? Композитора или публики? Наконец, какую роль в этой исторической драме играет третья сторона — музыкальная критика?

Естественно, что композиторы, обратившиеся к разрывам, так называемого авангарда, склонны видеть в «разводе» публику, которая никак не хочет отдавать внимание их творчеству. Сложно сказать, кто из них прав. Тех, кто отдает предпочтение экспериментам супермодернистов, Столы же очевидно, что обычная концертная аудитория отвергает новую музыку (при этом зачастую и хорошую новую музыку), убеждена, что истинником для является композитор, не считающийся со вкусами «среднего слушателя».

НУ а музыкальные критики?

Справедливо: недавно критик был как бы в союзе с публикой. Он считал своей обязанностью говорить от имени слушателя, выражать его требования к искусству. Достаточно вспомнить критические булы вокруг Валерия Мусорского, Дебюсси, молодого Прокофьева. Но имена складываются изза взаимоотношений композитора, критика и публики в музыкальном языке современного Запада. Вот что пишет об этом американский композитор Верджил Томпсон:

«Все действующие музыканты, в критике это, конечно, тоже музыканты, составляют иные, одну большую шайку заговорщиков, поклонявшихся защищать свою музыкальную веру. Методы, которыми они пользуются, весьма разнообразны, причем они всегда наступают друг другу на ноги. В представлении непосвященных листают на ноги композиторов и исполнителей, и есть дело критиков,

которые неизменно подчеркивают ведущую роль мировоззрения и творческой практики. «Нибледе аффективное служение народу, мы можем, может быть лишь на базе салланции хотя бы в общих чертах теории марксизма-ленинизма» и — что гораздо труднее — при умении применить ее в своей практической работе», — пишет он. — «дело в том, что работа великого художника в нашу эпоху должна базироваться на социалистическом реализме». При этом, утверждал Михаил Иванович, возрастает роль эстетической ценности произведений искусства: «Изучение марксизма-ленинизма не ослабляет, а — напротив, — обильная хорошо знать свое профессиональное дело, обязывает быть мастером высокого стиля».

Для мастеров искусства, для всех работников культуры, труды Михаила Ивановича Калинина навсегда останутся нескончаемой сокровищницей мыслей.

Однако в действительности это не так. Главная задача критиков — объяснять публике работу композиторов и исполнителей. Что жкажется объяснениям композиторов, исполнительским интересам публики, это обильность менеджеров? Заводчик интересов публики от композиторов и артистов не занимается никого. Менее всего этим заняты критики, существование которых зависит от искусства. Внешний защитник которого выступают...

Старинными критиками-авангардистами отчуждение публики от новой музыки возведено в некую доблесть и геройство. С позиций «музыкаль-

Заметки о современной музыке Запада

КОМПОЗИТОР И ПУБЛИКА

какой мере и при каких условиях хороши или плохи подготовленные слушатели в состоянии следить за мыслью современного композитора, лишенного в атональной, дodeкафонии, сериальной, альтаторной и сопористической манерах. Исследователи этой проблемы пытаются найти нечто «коэффициент полезного действия» музыки. И если для Кейдса и Буссета, Штокгаузена и Кесакиса «КПД» музыки определяется в основном интенсивностью скрипки, существование которых зависит от искусства. Внешний защитник которого выступает...

«Воспринимающую энергию» слушателей музыки кое-где на Западе пытаются определить при помощи кибернетики и вычислительной техники. По отношению к музыке современной эти опыты приводят к малоутешительным выводам. Так, изображение интереса публики к новому опуску рассматривается критикой как свидетельство его эстетической значимости и прогресса.

В концепции В. Томсона есть немалая доля преувеличения. Конечно, не все западные композиторы и музыканты вступили в «языковую войну» публики. Мы уже говорили о том, что «разрыв» между публикой и современной музыкой вызывает глубокую тревогу в многих музыкантах и зрителях.

ДАЛЕКО не каждый любитель музыки разбирается во всех оттенках современных музикальных течений. Поэтому новая музыка для широкой публики обычно ассоциируется с наиболее агрессивными параметрами, 12-тоновой серией, альтаторикой, подразумевающей принцип полной свободы конструирования музыкального материала, в котором господствует игра случайности. Это сознательное воспроизведение музыки, построенной на сложной системе расчетов, требует знания правил этой системы. Без этого слушатель не может простить сущность структуры звуковой абстракции. Несколько проще обстоит дело с музыкой альтаторической, все больше вытесняющей пыль сердца, ходячий его музыкальный ритм. Очевидно, сознательное воспроизведение музыки, построенной на сложной системе расчетов, требует знания правил этой системы. Без этого слушатель не может простить сущность структуры звуковой абстракции. Несколько проще обстоит дело с музыкой альтаторической, все больше вытесняющей пыль сердца, ходячий его музыкальный ритм. Очевидно, сознательное воспроизведение музыки, построенной на сложной системе расчетов, требует знания правил этой системы. Без этого слушатель не может простить сущность структуры звуковой абстракции. Несколько проще обстоит дело с музыкой альтаторической, все больше вытесняющей пыль сердца, ходячий его музыкальный ритм. Очевидно, сознательное воспроизведение музыки, построенной на сложной системе расчетов, требует знания правил этой системы. Без этого слушатель не может простить сущность структуры звуковой абстракции. Несколько проще обстоит дело с музыкой альтаторической, все больше вытесняющей пыль сердца, ходячий его музыкальный ритм. Очевидно, сознательное воспроизведение музыки, построенной на сложной системе расчетов, требует знания правил этой системы. Без этого слушатель не может простить сущность структуры звуковой абстракции. Несколько проще обстоит дело с музыкой альтаторической, все больше вытесняющей пыль сердца, ходячий его музыкальный ритм. Очевидно, сознательное воспроизведение музыки, построенной на сложной системе расчетов, требует знания правил этой системы. Без этого слушатель не может простить сущность структуры звуковой абстракции. Несколько проще обстоит дело с музыкой альтаторической, все больше вытесняющей пыль сердца, ходячий его музыкальный ритм. Очевидно, сознательное воспроизведение музыки, построенной на сложной системе расчетов, требует знания правил этой системы. Без этого слушатель не может простить сущность структуры звуковой абстракции. Несколько проще обстоит дело с музыкой альтаторической, все больше вытесняющей пыль сердца, ходячий его музыкальный ритм. Очевидно, сознательное воспроизведение музыки, построенной на сложной системе расчетов, требует знания правил этой системы. Без этого слушатель не может простить сущность структуры звуковой абстракции. Несколько проще обстоит дело с музыкой альтаторической, все больше вытесняющей пыль сердца, ходячий его музыкальный ритм. Очевидно, сознательное воспроизведение музыки, построенной на сложной системе расчетов, требует знания правил этой системы. Без этого слушатель не может простить сущность структуры звуковой абстракции. Несколько проще обстоит дело с музыкой альтаторической, все больше вытесняющей пыль сердца, ходячий его музыкальный ритм. Очевидно, сознательное воспроизведение музыки, построенной на сложной системе расчетов, требует знания правил этой системы. Без этого слушатель не может простить сущность структуры звуковой абстракции. Несколько проще обстоит дело с музыкой альтаторической, все больше вытесняющей пыль сердца, ходячий его музыкальный ритм. Очевидно, сознательное воспроизведение музыки, построенной на сложной системе расчетов, требует знания правил этой системы. Без этого слушатель не может простить сущность структуры звуковой абстракции. Несколько проще обстоит дело с музыкой альтаторической, все больше вытесняющей пыль сердца, ходячий его музыкальный ритм. Очевидно, сознательное воспроизведение музыки, построенной на сложной системе расчетов, требует знания правил этой системы. Без этого слушатель не может простить сущность структуры звуковой абстракции. Несколько проще обстоит дело с музыкой альтаторической, все больше вытесняющей пыль сердца, ходячий его музыкальный ритм. Очевидно, сознательное воспроизведение музыки, построенной на сложной системе расчетов, требует знания правил этой системы. Без этого слушатель не может простить сущность структуры звуковой абстракции. Несколько проще обстоит дело с музыкой альтаторической, все больше вытесняющей пыль сердца, ходячий его музыкальный ритм. Очевидно, сознательное воспроизведение музыки, построенной на сложной системе расчетов, требует знания правил этой системы. Без этого слушатель не может простить сущность структуры звуковой абстракции. Несколько проще обстоит дело с музыкой альтаторической, все больше вытесняющей пыль сердца, ходячий его музыкальный ритм. Очевидно, сознательное воспроизведение музыки, построенной на сложной системе расчетов, требует знания правил этой системы. Без этого слушатель не может простить сущность структуры звуковой абстракции. Несколько проще обстоит дело с музыкой альтаторической, все больше вытесняющей пыль сердца, ходячий его музыкальный ритм. Очевидно, сознательное воспроизведение музыки, построенной на сложной системе расчетов, требует знания правил этой системы. Без этого слушатель не может простить сущность структуры звуковой абстракции. Несколько проще обстоит дело с музыкой альтаторической, все больше вытесняющей пыль сердца, ходячий его музыкальный ритм. Очевидно, сознательное воспроизведение музыки, построенной на сложной системе расчетов, требует знания правил этой системы. Без этого слушатель не может простить сущность структуры звуковой абстракции. Несколько проще обстоит дело с музыкой альтаторической, все больше вытесняющей пыль сердца, ходячий его музыкальный ритм. Очевидно, сознательное воспроизведение музыки, построенной на сложной системе расчетов, требует знания правил этой системы. Без этого слушатель не может простить сущность структуры звуковой абстракции. Несколько проще обстоит дело с музыкой альтаторической, все больше вытесняющей пыль сердца, ходячий его музыкальный ритм. Очевидно, сознательное воспроизведение музыки, построенной на сложной системе расчетов, требует знания правил этой системы. Без этого слушатель не может простить сущность структуры звуковой абстракции. Несколько проще обстоит дело с музыкой альтаторической, все больше вытесняющей пыль сердца, ходячий его музыкальный ритм. Очевидно, сознательное воспроизведение музыки, построенной на сложной системе расчетов, требует знания правил этой системы. Без этого слушатель не может простить сущность структуры звуковой абстракции. Несколько проще обстоит дело с музыкой альтаторической, все больше вытесняющей пыль сердца, ход

